

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПРОТЕСТ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: РЕФЛЕКСИЯ НА МАТЕРИАЛАХ СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению вопросов политического поведения в условиях религиозных и смежных с ними конфликтов, приводящих к протестам масс. Психология и внутренняя природа политических протестов в разрезе проблем внутрирелигиозных изучается как с позиций сложившихся теоретических гипотез и теорий, так и на материалах практики — реальных религиозных протестов, имевших место в одном из самых беспокойных и проблемных регионов России — Северном Кавказе. Автор изучает и раскрывает такие особенности религиозного протеста, как его виды, причины и предпосылки, характерные черты и связь с общим психологическим состоянием населения, с настроением масс, столкнувшихся с проблемными религиозно-политическими вопросами.

На основании широкой базы эмпирического материала автор формулирует ключевые выводы о современных формах проявления религиозного протеста, возможных путях его преодоления и рисках, связанных с игнорированием конфликтных ситуаций или с неспособностью (или нежеланием) ответственных органов принять своевременные и эффективные меры сглаживания подобных протестов.

Также в статье автором впервые предпринимается попытка сформулировать строго теоретическое определение термина «религиозный протест» как формы политического поведения, приглашая тем самым заинтересованных коллег к академической дискуссии и размышлению.

Ключевые слова: религиозный протест, психология политического поведения, форма политического поведения, религиозно-политический конфликт, политическая психология.

Автор

Абдуллаев Мурад Халилович

Кандидат филологических наук, младший партнер Агентства стратегических коммуникаций (г. Москва), член Американской ассоциации политической науки (Майами, США / Москва, Россия)



Введение

Протест и как форма политического поведения, и как разновидность психологической реакции на политические процессы, явления, события был и остается предметом пристального внимания современных политологов-теоретиков. При этом следует оговориться, что протест сам по себе является объектом исследований и других общественных наук, прежде всего социологии и психологии.

Интерес к протесту как явлению общественно-политическому можно связать с рядом *факторов*:

- 1) протест исторически был *формой общественной реакции на политические процессы*; протестное поведение объясняло *психологическое состояние масс*, уровень напряженности в обществе, что помогало прогнозировать риски и последствия принятия тех или иных политических решений;
- 2) протест и поныне остается популярной практикой; именно объ-

единение группы лиц, борющихся за общие интересы, и выступление их с протестом все чаще становится примером *гражданской позиции* — неотъемлемого атрибута современного демократического общества;

3) основу протеста составляет его *конфликтность*, а значит — по логике — наличие *фактора столкновения интересов*: общества и государства, различных групп граждан и иных лиц, личности и общества, личности и государства и т.д.;

4) *новые формы проявления политического протеста*, их имманентный, зачастую скрытый потенциал пока так и остаются поверхностно исследованными, не до конца оцененными с позиций общественного эффекта и политических рисков.

Как отмечает А.О. Столяров, протест традиционно был и остается явлением политического участия [14], хотя проявить себя он может в том числе и в форме бездействия, неучастия, демарша. Более важным является факт того, что политический протест присутствует в системе любых политических взаимоотношений, взаимодействия компонента общественного с компонентом политическим. Однако природа протеста, формы его проявления и сила эффекта зависят от того, о каком виде политического протеста идет речь. Отметим, что строгой классификации разновидностей политического протеста в теории нет: речь, как правило, идет о формах политического протеста, разновидностях его проявлений на практике. Тем не менее, на наш взгляд, форма реализации политического протеста зависит от природы изначального конфликта, реакцией на который и является тот или иной протест.

В данной статье автором предпринимается шаг провести краткий теоретический анализ (с обращением к примерам из практики) такой формы политического протеста, как протест религиозный, в основе которого лежат проблемы взаимоотношений:

1) *государства* как понятия светского и *религии*, которой первое пытается управлять, контролировать, влиять, организовывать правила взаимодействия светского и религиозного;

2) (вытекает из первого) *светского и религиозного* (протест в данном случае может возникнуть при столкновении интересов светского общества с интересами или позициями верующих, церкви, отдельно взятых религиозных групп по различным вопросам организации общественно-политического порядка и др.);

3) *конфессиональных групп* (здесь идет речь не только о взаимоотношениях между различными конфессиями, но и внутри отдельно взятой религии — внутрирелигиозных групп и течений). Конфликтность, протестность в данном случае может проявляться в связи с принятием важных политических решений, влияющих на жизнь значительной части общества либо идущих вразрез с интересами той или иной конфессии или религиозной группы.

Таким образом, мы попытались вкратце ввести читателя в тему предлагаемого исследования, в его ключевую идею, которая заключается в *изучении и понимании природы религиозного политического протеста как одной из форм современного политического поведения, объясняющего психологическое состояние масс и уровень напряженности, конфликтности в том или ином регионе или в стране в целом.*

Религиозный протест как форма политического поведения — что это?

Что такое религиозный протест? Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к понятию «политический протест» и его определению в теории политической психологии. Позиция О.В. Оконешниковой зиждется на идее возникновения протеста как следствия «субъективного переживания угрозы

потери целостности личности. Протест, скорее, бессознателен, поскольку апеллирует к чувствам. Но в то же время протест социален по своей природе. Корень социального протеста — это внутреннее ощущение несправедливости» [12]. Протестное поведение как разновидность политико-психологического состояния масс понимается Д.Д. Челпановой как «форма участия, включающая совокупность публичных негативных реакций социальных субъектов на деятельность политического режима, с целью влияния на принятие решений» [16].

Интересны также позиции, сложившиеся среди зарубежных исследователей. Американский социолог С. Тэрроу считает, что политический протест есть «использование разрушительных коллективных действий, нацеленных на институты, элиты, властвующие и другие группы, и совершаемых для достижения некоторых коллективных целей и требований протестующих» [3]. По мнению также исследователей из США Б. Кландерманса и Дж. Дженкинса, «протест политический несет в себе идею коллективного действия или системы коллективных действий, направленных на изменение систем представительной и/или исполнительной власти, проводимой государственной политикой или взаимоотношений между гражданами и государством в целом» [1].

Даже этих нескольких подходов к пониманию природы политического протеста достаточно, чтобы понять ключевой признак данного явления — его *конфликтность*, фактор, который нами уже был отмечен во введении статьи. Конфликтность (или конфликтность) лежит в том числе и в основе возникновения протеста религиозного как реакции на политические события или политические решения. *Ключевое психологическое условие* возникновения религиозного протеста связано непосредственно с *природой проблем религии*: это проблемы «тонкой на-

стройки» [5], они болезненны, связаны с высоким напряжением внутри религиозной группы; неоднозначность и практическая нерешаемость некоторых из них (когда государство в лице власти имущих уклоняется от принятия волевых решений, опасаясь нового витка напряжения) становятся причинами повышенной эмоциональной возбуденности, когда даже незначительное событие может привести к взрыву, т.е. волне протестов, ход которых крайне сложно предугадать.

Однако возможно ли сформулировать строго теоретическое определение религиозного протеста в его конкретно политическом понимании? Изучение современных источников по политической психологии и психологии политического поведения масс привело нас к выводу, что таких определений до сих пор сформулировано не было. Однако существующие исследования религиозного политического протеста помогают собрать его теоретический «скелет» и прояснить функциональное наполнение. Так, И.А. Дорошин определяет рассматриваемое явление как «высказывания религиозных лидеров или даже акции протеста «по случаю» [7], связывая при этом религиозный протест с выступлениями, как правило, религиозных меньшинств, что, конечно, не совсем верно, ибо протест может быть реакцией в том числе и большинства, к примеру, как в случае с религиозными протестами в Судане в сентябре 2012 г., когда митингующие — представители крупнейшей религиозной группы страны, исламской, — атаковали дипмиссии США и Германии в ответ на выход нашумевшего фильма «Невинность мусульман».

В основе практически любого религиозного протеста лежит *столкновение ценностей и интересов*, и этот компонент можно обозначить как одну из его фундаментальных характеристик. Здесь, безусловно, играет роль картина мира и сложившийся общественный

порядок, привычный для группы протестующих. На этом основании можно предположить, что

религиозный протест — это острое общественно-политическое явление, охватывающее, как правило, большую группу лиц и направленное на защиту, отстаивание или лоббирование интересов представителей религиозных общин или течений, являющееся реакцией на предшествующие события: столкновения на религиозной почве, принятие определенных политических или иных решений, обсуждение или принятие непопулярных или, по мнению представителей религиозной общины, несправедливых, ущемляющих ее права и интересы нормативных правовых актов, и т.д.¹

Однако спровоцировать религиозный протест могут и бытовые проблемы, обострившиеся на фоне своего затяжного характера и игнорирования ответственными государственными органами, например, *земельные конфликты*, свидетелями которых мы не раз становились на юге России, в северокавказских республиках, где передел границ и попытки «дележки» земельных и водных ресурсов до сих пор остаются актуальными проблемами, разрешить которые пока не удается.

Таким образом, религиозный протест представляет собой не только острое, но и *крайне противоречивое явление*, причинами которого могут быть проблемы различного происхождения.

Не будет преувеличением, если назвать одной из наиболее популярных причин религиозного протеста в современном мире *религиозный рас-*

кол; события в России и мире лишнее тому подтверждение. Вспоминается тут тезис известного американского философа и политического экономиста Ф. Фукуямы, выдвинутый им в работе «Будущее фундаментализма»: религиозный раскол станет основной причиной будущих глобальных конфликтов, что «...ускоряет поиск одной, часто мифологизированной истины, на которую могут ссылаться социальные практики и нравы» [15], что, по мнению другого ученого, Ф. Лечнера, станет причиной возникновения «социально-культурных движений, направленных на реорганизацию всех сфер жизни с точки зрения определенного набора абсолютных значений» [2].

Однако, на наш взгляд, еще более интересна природа и ключевые характеристики религиозного протеста в разрезе законов *политической психологии*: к какому типу поведения следует отнести религиозный протест? Что руководит массовым сознанием, стремящимся выступить с подобным протестом? Как религиозный тип мышления влияет на политическую активность масс?

Безусловно, дать исчерпывающий ответ на вышеприведенные вопросы в рамках одной научной статьи невозможно по причине их глобальности и глубины, неоднозначности и вариативности в зависимости даже от региона исследования или исторических предпосылок, той самой «глубины конфликта», которую многие исследователи, берущиеся за изучение современных религиозных протестов, часто игнорируют.

Автор данного исследования убежден, что форма религиозного протеста, его активность, эмоциональная насыщенность зависят во многом и от *политической ментальности*, которую можно определить как «совокупность устойчивых политических ценностей и сценариев реагирования субъектов на различные социальные изменения, события в политике» [6]. В данном случае

¹ Автор не претендует на попытку сформулировать всеобъемлющее, полное терминологическое определение религиозного протеста как формы политического поведения. Предложенное понимание — это авторская попытка прояснения теоретических основ рассматриваемого явления, что важно для его последующего, более детального изучения. Более того, в данном случае религиозный протест рассматривается строго в разрезе академических дискуссий, сложившихся в сфере политической психологии.

в основе политической ментальности лежит религиозный характер, тип религиозного мышления и даже склонность к фундаменталистским, радикальным поведению и реакциям. В контексте рассуждений о религиозном протесте политическая ментальность (или политическая культура) представителей той или иной конфессиональной общины проявляется в их поведении в различных или, наоборот, схожих политических обстоятельствах. На политическое поведение религиозной группы влияет также (как нами уже было отмечено выше) опыт ее исторического развития и взаимодействия с другими культурами, религиями и светскими общественными институтами.

Само возникновение религиозного протеста зависит и от такого фактора, как *массовое политическое настроение*, подробно описанное в учебном пособии В.Л. Бозаджиева: «Массовое политическое настроение — это однородная для достаточно большого множества людей субъективная, сложная аффективно-когнитивная сигнальная реакция, особые переживания комфорта или дискомфорта, отражающие удовлетворенность или неудовлетворенность общими социально-политическими условиями жизни» [6].

Таким образом, ключевым рубежом возникновения религиозного протеста можно назвать *психологическую реакцию*, острота которой влияет на характер и силу проявления протеста. Реакция, в свою очередь, зависит от глубины «задетых чувств», от притязаний политических решений, процессов или событий повлиять на общественный порядок, привычки, традиции, потребности той или иной религиозной группы.

Современные формы религиозного протеста: краткий обзор на примере Северного Кавказа

Сформулированные выше тезисы о природе религиозного протеста как форме политического поведения

помогли нам обозначить ключевые характеристики данного явления. Это позволит точно проработать эмпирическую часть исследования, а именно — *изучить современные религиозные протесты в разрезе российских реалий*. Нами поставлена задача разобрать ряд кейсов, связанных с волнениями на религиозной почве в одном из самых сложных с позиций общественно-политической и экономической ситуации регионов России — *Северном Кавказе*, самом «пестром» с позиций многонациональности и поликонфессиональности федеральном округе РФ.

Итак, в данном случае речь идет о следующих характерных чертах религиозного протеста:

конфликтная природа (в основе лежит конфликт: взглядов, интересов, позиций или даже прав и обязанностей);
острая общественная реакция;
динамизм развития событий;
непредсказуемость последствий;
общественная значимость разрешения спорной (конфликтной) ситуации.

Конфликтность религиозного протеста может быть различной.

1) *Конструктивная* (конструктивная перспектива протеста, когда протестующая сторона и государственные органы вступают в партнерство и выражают готовность совместно разрешить конфликтную ситуацию).

Примерами позитивных, конструктивных завершений общественных протестов можно назвать так называемые строительные конфликты, имевшие место быть во многих российских городах, в том числе и на Северном Кавказе. Речь идет о ситуациях напряжения вокруг строительства религиозных объектов, встретивших реакцию возмущения со стороны населения. Как правило, протесты в большей части были вызваны неудачным выбором места строительства или преднамеренным обходом процедуры общественных слушаний. Например, протест против строительства православного кафедрального собора святого князя Алек-

сандра Невского в Махачкале до сих пор находит отклики в виде судебных разбирательств и организации активистами-общественниками небольших акций протеста. Противники строительства церкви при этом конкретно обозначили свои претензии: они протестуют и подают иски не против самого религиозного объекта, а против выбранного места его возведения — парковой зоны вокруг уникального городского озера Ак-Гель. Тем не менее в обществе активно муссировались идеи о столкновении интересов малочисленного населения православных и абсолютного мусульманского большинства. Однако акции протеста противников строительства церкви в дагестанской столице продемонстрировали, что среди тех, кто «против», множество православных, считающих Махачкалу своим родным городом и не желающих считаться с застраиванием парковых и рекреационных зон, что и без того является серьезной проблемой для регионального центра, насчитывающего почти миллион жителей.

Следует отметить, что органы государственной власти и иные заинтересованные структуры в целях предотвращения эскалации конфликта и недопущения межрелигиозных уособиц, неоднократно, после первых же тревожных сигналов, организовывали общественные слушания и обсуждения по обозначенному вопросу, причем не только с целью выслушать «за» и «против», но и снять общественное напряжение, дать выпустить пар. Несмотря на то, что данный кейс до сих пор не разрешен в пользу какой-либо из сторон, протестные настроения и негативный потенциал удалось свести к минимуму, что продемонстрировало и ответственный подход властей и духовенства, и сознательность гражданского населения.

2) *Деструктивный* характер религиозного протеста (негативная перспектива: протестующая сторона и органы власти вступают в конфронтацию (как

правило, в силовую); усиливающееся напряжение приводит к срыву возможности переговоров и мирному разрешению конфликта).

В качестве примера можно обратиться к массовым акциям протеста в Ингушетии в 2016 г., вызванным несогласием мусульманской общины с политикой главы региона Юнус-Бека Евкурова. В частности, представители кадарийского и накшбандийского тарикатов (разновидности внутримусульманских направлений духовного познания истины) вместо публичных, уличных шествий организовали маджлис (совет старейшин), на котором выступили не только против «переговорной политики» Евкурова с так называемой ваххабитской стороной, пытающейся укрепить свои позиции в Ингушетии и Чечне, но и в целом против представителей салафитского течения. Игнорирование проблемы в течение многих лет вкупе с подковерными играми на два фронта привели в итоге к кровопролитию, жесткому противостоянию двух сторон. Нарастание проблемы и тупиковая перспектива двусторонних переговоров привели к патовой ситуации: разлад ингушских властей с официальным мусульманским духовенством республики, втягивание в конфликт Чеченской республики, глава которой (на волне личных неприязненных отношений с главой Ингушетии) оказал поддержку недовольным из соседней республики, а главное, это то резко конфликтное развитие, которое в дальнейшем получила описываемая ситуация. Кроме ухудшения отношений между Чечней и Ингушетией, волнения 2016 г. вылились в территориальные (земельные споры) два года спустя, когда в результате соглашения между двумя субъектами федерации об определении административной границы чеченской стороне была передана часть ингушских территорий. Это привело к массовым акциям протеста и митингам, носящим, разумеется, не

столько религиозный, сколько территориально-национальный характер.

Тем не менее оба этих события показательны в свете вопросов психологического состояния масс и их готовности взаимодействовать (сотрудничать) с представителями власти. С другой стороны, в ситуации серьезного психологического натиска и ожиданий принятия оперативных и в то же время взвешенных, продуманных, эффективных мер резко возрастает *уровень ответственности* (и профессиональной, и моральной) *политических акторов* (в данном случае руководителей регионов, главы муфтията, религиозных лидеров, имеющих влияние и пользующихся поддержкой масс). Речь идет о том, что в таких чрезвычайных условиях существует риск обращения к мерам непопулярным, порой даже провальным, которые могут иметь обратный эффект — эскалацию конфликта и увеличение протестных настроений.

* * *

Справедливости ради следует упомянуть, что политический протест (и не важно, религиозный он либо иного происхождения) может быть вызван не просто резко возросшим, перешедшим «пределы терпения» недовольством в массах, но и *фактором игнорирования*. Речь идет о том, что профильные органы власти, ответственные за решение обострившихся проблем, могут игнорировать конфликтные вопросы, уходить от ответственности, избегать общественных дискуссий. Причин этого может быть множество — в данном исследовании перед нами не стоит задача рассматривать их по отдельности. Тем не менее фактор игнорирования способствует аккумуляции протестного, конфликтного потенциала, что может вызвать еще более сильный всплеск народных волнений, а в отдельных случаях — возникновение очагов насилия.

Ярким примером здесь может выступить проблема репатриации черкесов

из Сирии на родину в Россию, выдача им российского гражданства и восстановление национального и религиозного демографического баланса в отдельных регионах юга РФ.

Еще одним актуальным религиозно-политическим кейсом остается напряжение между салафитским и суфийским (считающимся более традиционным) мусульманскими течениями, острые столкновения и противостояние которых удалось свести к минимуму за последние пять лет. Подобного рода неразрешенные противоречия — при кажущемся внешнем спокойном состоянии — вызывают серьезные проблемы на местах, когда жители одного и того же села, население которого едва достигает 400 человек, начинают ходить в разные мечети, разделяться на малые группировки, молиться по мусульманским канонам, но по-разному в зависимости от традиционности или радикальности той или иной мечети; отвергают устои, сложившиеся за столетия и пропагандируют, мягко говоря, реакционные, взрывоопасные идеи, вселяя вражду порой между членами одной семьи. Ситуация, к примеру, весьма показательная для некоторых высокогорных сел Дагестана, где религиозная напряженность не раз превращала отдельные населенные пункты в аулы на осадном положении, часто называемые в самой республике ваххабитскими логовами. Протестные, радикальные настроения в таких селах не ослабевали годами, а в некоторых существуют до сих пор, однако в целом имеют характер спящих.

Замалчивание, игнорирование подобного психологически нездорового состояния населения при условиях практически невозможности разрешить религиозные разногласия без издержек (недовольство одной из сторон конфликта, новые протесты, открытые выступления против власти, экстремистские вылазки и т.д.) может грозить необратимыми последствиями не только для самой политической системы, но

и в целом для государственного строя и конституционных основ страны.

Отметим, что в случае с Северным Кавказом протестный, конфликтный характер большинства религиозно-политических проблем имеет несколько причин:

1) *глубокая социальность*, обращенность к простому народу, затрагивание интересов именно среднестатистического гражданина; например, как в случае с радикальными мусульманскими течениями, когда проповедники радикалов обращают свою деятельность исключительно на молодежь — самую уязвимую и легко поддающуюся психологической обработке часть населения; в молодежной среде распространяются конкретные идеи, меняющие мировоззрение, превращающие молодых людей в агрессивных, готовых на любые поступки «машины»; манипуляция сознанием и давление на религиозные чувства являются основным средством пропаганды и подогревания протестных настроений в неподготовленной, слабо осведомленной, религиозно необразованной аудитории;

2) *наличие параллельных, сопутствующих проблем*, которые влияют на ухудшение религиозно-политической обстановки в целом. Прежде всего конфликты земельные, причем они могут быть как межрегиональными (например, вопрос восстановления Ауховского района между Чечней и Дагестаном), так и внутрисубъектными (к примеру, территориальные притязания кумыков на земли равнинного Дагестана, которые эта этническая группа считает своей исторической малой родиной). Справедливости ради отметим, что земельные конфликты на Кавказе имеют большей частью межэтнический характер, нежели религиозный, однако это не снижает их важности в вопросах формирования протестных политических настроений;

3) в качестве ключевого фактора возникновения на Кавказе рисков

религиозных протестов известные отечественные социологи И.В. Стародубровская и Д.В. Соколов «выделяют *стадии жизненного цикла, на которых находятся различные идеологии*. Именно религия, и в первую очередь ислам, представляет сейчас ту идеологическую оболочку, в которой выступают наиболее острые конфликты в современном мире» [8]. При этом ученые констатируют, что конкуренцию идеологий и идеалов в северокавказском регионе выигрывает так называемый радикальный ислам;

4) *наслаивание конфликтных ситуаций*, что приводит к новым религиозным протестам. Здесь речь идет о ситуациях, развивающихся по цепочке: проблема религиозного характера > неведомые, спорные меры разрешения проблемы органами государственной власти > протестная реакция масс > столкновение масс с органами правопорядка > жесткие меры реагирования надзорных и контролирующих органов > усиление протестных настроений и возникновение новых очагов столкновения.

Примерами подобных нарастающих протестов второй волны можно привести акции в Дагестане и Кабардино-Балкарии против сотрудников силовых структур, осуществлявших задержания прихожан тех или иных так называемых нетрадиционных мечетей, репрессии по отношению к молодым людям по внешним признакам: мужчины — без усов, но с бородами; женщины — в черных хиджабах и т.д. При этом деятельность указанных радикальных мечетей среди населения была хорошо известна: они пользовались дурной славой, их посетители игнорировали пятничные намазы (джума) в центральных мечетях, находящихся в ведении официальных муфтиятов (духовных управлений).

Например, подобного рода облавы у мечетей в Махачкале заканчивались для задержанных приводами в поли-

цию, длительным, бесновательным их задержанием, что вызывало новые протесты в центре дагестанской столицы, к примеру, неоднократные акции у здания Советского РОВД г. Махачкала¹.

Вторая причина религиозных протестов в северокавказских республиках — это *ведение сомнительных баз потенциальных боевиков, так называемого «профучета»*, попадание в который еще несколько лет назад автоматически считалось черной меткой и практически несомненное задержание в любое время вне рамок правовых норм. Подобная практика на

¹ Подробно природа религиозного протеста как формы политического поведения и общественной реакции раскрыта в одной из статей известного российского политолога и журналиста, кандидата политических наук Х. Курбанова. Журналист, в частности, пишет: «...религиозный протест стоит в республике особняком и исходит из проблемы межрелигиозной конфликтности и противостояния, которая наблюдается в Дагестане около 20 лет — с середины 90-х гг. XX в. Блок проблем и конфликтов религиозного плана вызывает к жизни протестную активность салафитов, недовольных политикой власти. Впервые метод политического протеста был апробирован в Махачкале в 2011 г.: флешмоб «молчаливого стояния», а затем шествия около трех тысяч салафитов в центре города. Таким образом выражался протест против политики государства, которое взяло сторону тарикатского ислама и не позволяло салафитам выйти на легальные позиции, подвергая их силовому давлению. Затем отметился многотысячный митинг у Русского театра в Махачкале, на котором выступали представители нетрадиционного ислама, встревоженные ситуацией с преследованием своих собратьев и ситуацией с правами человека в Дагестане... Правозащитные организации регистрируют большое количество фактов преследования соблюдающих религиозные обряды или просто мусульман-салафитов. Происходит это ввиду отсутствия стройной конфессиональной политики в республике и наличия определенной устоявшейся практики превышения служебных полномочий в отношении салафитов. Что, конечно же, порождает еще большие проблемы. Можно сказать с определенной долей уверенности, что отчасти следствием межрелигиозного конфликта и богословских споров, а также развернутого масштабного давления на всех инакомыслящих мусульман является и проблема терроризма, деятельности незаконных вооруженных формирований (НВФ)» [9].

Кавказе более известна как постановка на профилактический учет. Не отрицая право и даже обязанность правоохранительных органов вести учет и профилактику правонарушений, связанных с осуществлением экстремистской или террористической деятельности, правозащитные организации тем не менее в течение последних 15 лет не раз высказывали свои опасения по поводу подобных сомнительных мер, апеллируя к фактам нарушения фундаментальных конституционных прав граждан, таких как право на свободу и личную неприкосновенность, свободу вероисповедания, передвижения, неприкосновенность частной жизни, получение информации, касающейся прав и свобод граждан.

Безусловно, подобные практики наведения правопорядка невозможно назвать действенными или оправданными, даже учитывая тот факт, что самим правоохранительным органам крайне сложно действовать в рамках правового поля, когда происходящее в отдельных случаях не поддается ни регулированию, ни пресечению на самых ранних этапах. Сдерживание же протестных настроений, попытки снять напряжение в обществе и обеспечить мнимую безопасность неоправданными, не поддающимися ни моральной, ни правовой оценке мерами, разумеется, невозможно. Такие практики лишь усиливают раздражение масс, усугубляют конфликтность, трансформируют политическое поведение граждан, превращая его в непредсказуемое.

* * *

Современной практике хорошо известны случаи, когда религиозный протест, имеющий политическую подоплеку, пользовался явной или скрытой *политической поддержкой власти*, спонсировался ею либо имел серьезное *политическое* (внутреннее или внешнее) *лобби*. Ярким примером, пусть и не имеющим отношения к Се-

верному Кавказу, но тем не менее показательным и напрямую связанным с геополитическими интересами России, стали недавние религиозные протесты в Черногории, вызванные принятием парламентом этой страны закона, возвращающего церковные земли на государственный баланс.

Не вдаваясь в подробности данного религиозного конфликта, отметим, что стихийные и неорганизованные религиозные протесты масс вне зависимости от первоначальных, истинных целей могут подвергаться серьезному политическому влиянию, при этом достичь этого влияния можно различными способами: шантажом, подкупом, манипуляциями и психологическим воздействием, прежде всего попытками задеть религиозные чувства, сравливанием различных групп верующих, являющихся в общем-то прихожанами одной церкви. Отметим, что религиозные протесты на Балканах ожидаются и в этом году, когда в Константинопольском патриархате начнутся консультации о признании автокефалии православной церкви Северной Македонии, а это значит, что виток нового политического противостояния является лишь вопросом времени.

Резюме

Проведенный анализ такой формы политического поведения как религиозный (в данном случае его также можно назвать религиозно-политическим) протест позволяет нам сделать следующие *выводы* о природе, формах, современных спецификах проявления и рисках указанного явления.

Первое. Религиозный протест как вид политического протеста, безусловно, можно отнести к *формам политического поведения*, причем, как правило, это поведение носит *негативный характер* и может проявляться как в форме действия, так и бездействия.

Второе. В основе любого политического протеста (в том числе рели-

гиозного) лежат две ключевые характеристики: *столкновение интересов* (взглядов, позиций, мировоззрений) и *конфликтность*.

Третье. Рассматривая религиозный протест как форму политического поведения, нельзя игнорировать исходные данные: психологическое состояние масс, выражающих протест; степень ее религиозности и тип мышления, исторически сложившийся в данном обществе. Эта мысль наводит нас на еще один вывод: анализ поведенческих форм религиозно-политического протеста демонстрирует, что протестное религиозное поведение в его классическом понимании и формах реализации напрямую зависит от *глубины религиозного сознания*: что есть религия для того или иного человека в частности и для массы верующих в целом. Как справедливо отмечает известный венгерский историк Т. Краус, сама религия как общественное явление есть протест: «религия — это протест верующего человека против социального унижения. В этом смысле религия как протест — это и есть душа сегодняшнего бессердечного мира. И в этом смысле религия — опиум народа, бегство от реальной действительности» [13].

Четвертое. Не зная либо не понимая исходных *причин* и внутренних (зачастую глубоко скрытых) *предпосылок* возникновения конфликта, невозможно объяснить ни один из современных религиозных протестов. Даже несмотря на «биологическую, генетическую или эволюционную предрасположенность человека к актам агрессивного поведения», протестным настроениям и реакциям всегда предшествуют *глубинные раздражители*, выводящие людей на улицу.

Пятое. По примеру основного географического объекта изучения обозначенной проблематики — Северного Кавказа — становится очевидным, что религиозные протесты в различных частях страны (или точках мира) могут иметь сходные и отличительные черты.

Среди ключевых причин возникновения религиозных протестов на Кавказе можно выделить: *религиозный раскол* внутри мусульманской уммы (общины); *противостояние* правоохранительных органов и официальных религиозных властей с одной стороны и последователей радикальных, нетрадиционных мусульманских течений с другой; *земельные конфликты*, имеющие исторические предпосылки¹.

Шестое. Зачастую человеческий ресурс религиозных (как, в общем, и

других политических) протестов становится жертвой *политических игр и манипуляций*, имеющих скрытые, но вполне объяснимые цели. Протестные массы могут стать политическим оружием для сведения счетов, дестабилизации обстановки в том или ином регионе, влияния на электоральные предпочтения населения.

Седьмое. Поведение масс в ходе религиозных протестов, психологию принятия решений в ситуации высокой степени напряженности сложно предсказать. Еще сложнее управлять этим поведением, угадывать настроения протестующих, находить опорные точки снижения агрессии и недопущения насильственных действий. Религиозные протесты, таким образом, способны влиять не только в целом на политическую ситуацию в регионе, на расстановку политических сил или на политические предпочтения потенциального электората, но и на векторы политического развития, на саму политическую систему и эффективность ее функционирования.

¹ Интересно описаны глубинные причины религиозных протестов, имеющих политическую подоплеку, в статье сотрудника ДНЦ РАН Р.А. Мурзаева: «Представляется важным говорить о первичности внутренних причин, которые обусловлены протестными настроениями в обществе вследствие клановости, коррупции, имущественной поляризации, отсутствия социальных лифтов для молодежи. Эти протестные настроения вызваны факторами различного содержания, но многие из них плавно перетекают в исламское поле. Поскольку ислам является регулятором общественных отношений, социальный протест принимает форму религиозной идеологии, сопряженной с идеями социальной справедливости» [11].

Литература

1. Jenkins J.S., Klandermans B. The Politics of Protest. Comparative Perspectives on State and Social Movements. Univ. of Minnesota Press: UCL Press 1995. — P. 6.
2. Lechner F. Fundamentalism Revisited. — New Brunswick: Transaction, 1990. — P. 81.
3. On Social Structure and Science. By Robert K. Merton / Ed. By P. Sztompka. Chicago: University of Chicago Press, 1996. — P. 32.
4. Varga B. Može li Đukanović završiti kao Porošenko? // Al Jazeera Balkans. — 2020. — Feb. — 2nd [URL: <http://balkans.aljazeera.net/vijesti/moze-li-đukanovic-završiti-kao-porosenko>].
5. Абдуллаев М.Х. Освещение религиозно-политического экстремизма в российской прессе в период с 2000 по 2015 г. (на примере общенациональных и региональных газет Республики Дагестан): Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2017. — С. 121.
6. Бозаджиев В.Л. Политическая психология: учебное пособие для студентов вузов. — М.: Изд. дом Акад. естествознания, 2015. — С. 208.
7. Дорошин И.А. Транснациональное измерение религиозного протеста в сетевом обществе // Социосфера. — № 4. — 2018. — С. 33.
8. Истоки конфликтов на Северном Кавказе: монография / И.В. Стародубровская, Д.В. Соколов. — М.: Изд. дом «Дело» РАНХГИС, 2016. — С. 75.
9. Курбанов Х. Протестное сознание дагестанцев // Свободная Пресса. — 2016. — 19 июля. [URL: <https://svpressa.ru/society/article/152805/>].
10. Мартиросян А.А. Политическая агрессивность протестующих (о нелинейном развитии политического насилия) // 21-й век. — 2017. — № 1 (42). — С. 73.
11. Мурзаев Р.А. Социальный протест в исламском поле Дагестана // Власть. 2014. — № 4. — С. 135.

12. *Оконешникова О.В.* Политическая психология: Учебное пособие. Изд. 2-е. — Мурманск: МГГУ, 2014. — С. 44.
13. *Приймак А.* «Религия как протест — это душа сегодняшнего бессердечного мира» // ИГ-Религии. — 2018. — 16 мая. [URL: http://www.ng.ru/ng_reliqii/2018-05-16/15_442_protest.html].
14. *Столяров А.О.* Протест как фактор политического развития / Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. — 2016. — № 1. — С. 99.
15. *Фукуяма Ф.* Будущее фундаментализма / Электронный ресурс «Русская национальная философия», 2011. [URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_f/fukuyama02.html].
16. *Челпанова Д.Д.* Характер и динамика протестной активности на юге России: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. — Новочеркасск, 2011. — С. 13.